

НОВЫЙ СТЕРНЪ

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

Et vous, qui êtes cause de leur folie, sottes
belleviées, pernicious amusements des esprits oisifs,
romans, vers, chansons, sonnets et sonnettes, rui-
siez-vous être à tous les diables.

Molière.

ЕЯ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

МИЛОСТИВОЙ ГОСУДАРЫНѢ

МАРЬѢ АЛЕКСѢЕВНѢ

НАРЫШКИНОЙ

Когда бы болѣ тебя кого я чтить,
Тому бы трудъ мой посвятить!
князь шаховской.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

- Графъ Пронскій, сангигментальный путешественникъ. Г-нъ Самойловъ.
Судьбинъ, отставной маіоръ, другъ отца его. Г-нъ Сахаровъ.
Ипатъ, слуга графа Пронскаго. Г-нъ Петровъ.
Кузьминишна, мельничиха Г-жа Рахманова.
Маланья, дочь ея Г-жа Самойлова.
Фока, женихъ Маланьи . Г-нъ Рождественскій.

Дѣйствіе за 500 верстъ отъ Москвы.

Театръ представляетъ пріятное мѣстоположеніе. Вдали рѣка и мельница. На лѣвой сторонѣ пригорокъ съ растущими на ономъ соснами.

ЯВЛЕНІЕ I.

Судьбинъ и Ипать.

Ипать. Какъ, сударь, это вы?—Я не вѣрю глазамъ моимъ! Вы за пятьсотъ верстъ отъ Москвы, вы разлучились со старымъ вашимъ генераломъ?

Судьбинъ. Сумасбродство твоего господина разлучило меня съ отцомъ его.

Ипать. Какъ, сударь, такъ вы гоняетесь за его сіятельствомъ?

Судьбинъ. Да вотъ ужъ скоро мѣсяць, какъ я ѣзжу по слѣдамъ вашимъ: привязанность моя къ старому графу Пронскому сдѣлала меня путешественникомъ по-неволѣ; отецъ твоего графа хотѣлъ женить его на доброй, любезной дѣвушкѣ, дочери стариннаго нашего друга, писалъ къ нему въ Петербургъ, чтобъ онъ просился въ отпускъ; но въ отвѣтъ получилъ полдести посланія, изъ котораго

мы не безъ труда поняли, что молодой человекъ слишкомъ нѣжно чувствуетъ для военной службы; что сердце его слишкомъ сантиментально для женитьбы безъ страсти, и что онъ слишкомъ восхищенъ новыми произведеніями ума; и для того, выйдя въ отставку, не хотя жениться и желая сдѣлать журналъ, онъ поѣхалъ путешествовать въ Россію. — Мой старый генералъ ударилъ тревогу, хотѣлъ писать въ Петербургъ, просить всѣхъ о возвращеніи его сына; но я, напомя ему наши молодые лѣта, уговорилъ его не дѣлать огласки, которая могла быть пагубна для его сына; велѣлъ заложить коляску и отправился васъ искать. Я надѣюсь, что мнѣ удастся вывести изъ заблужденія твоего барина.

ипать. Врядъ ли, сударь! баринъ мой всякій день дѣлается сантиментальнѣе, трогательнѣе, интереснѣе...

судьвинъ. Изъ какой полукнижки ты взялъ эти слова?

ипать. О сударь! это ли я еще знаю! Лазурно-розовое небо, предметъ умозрѣнія, цвѣты вѣчности, вліяніе бальзамическое...

судьвинъ. Довольно, довольно. — И такъ скажи мнѣ, что вы дѣлаете?

ипать. Мы, сударь?.. смотря по погодѣ: вздыхаемъ, плачемъ, восхищаемся, умиляемся, трогаемся. Ясное солнце согрѣваетъ наши чувства; ужасный морозъ напрягаетъ нашу жизненность; быстрый ручей мелодією своею питаетъ нашу меланхолю; тихое озеро служигъ зеркаломъ нашей сан-

timentальности; наконецъ вѣдро, вѣтеръ, дождь, горы, лѣса, луга, болота, люди, скоты, птицы, мухи, комары... все имѣетъ вліяніе на нашу душу; словомъ, мы сантиментальные вояжеры. Но, увы! судьбѣ угодно было, чтобъ изъ трехъ насъ Геній смерти похитилъ одного... О Лэди! тебя ужъ нѣтъ... Ахъ!.. вѣчность!

судьбинъ. Какъ! что это значить? одинъ изъ васъ умеръ?—Кто этотъ Лэди?

ипать. Чувствительный, признательный, сантиментальный другъ человѣчества, печать вѣрности, наконецъ—англійская собачка, которую третьяго дня на этой горѣ переѣхали колесомъ и которой графъ воздвигаетъ монументъ вѣчности.

судьбинъ. Такъ это-то и удержало его здѣсь?

ипать. Это, но не совсѣмъ. Смерть привязанной Лэди оставила пустоту въ нашихъ сердцахъ, которую мой баринъ хочетъ наполнить интересною дочерью здѣшней мельничихи.

судьбинъ. Кузьминихи, у которой я живу въ домѣ?

ипать. Ею, сударь, ею. Вчера, какъ мы оплакивали нашего друга, Маланья, трогательная пастушка, гнала добренькихъ коровъ, романическихъ овецекъ, сытенькихъ свинокъ гибкою хворостинкою въ скромный скотный дворъ. Она пѣла: «По горамъ, по горамъ». Голосъ ея раздавался въ душахъ нашихъ. Я сегодня до свѣта полетѣлъ, по приказанію его сіятельства, развѣдать объ этой обворожительницѣ, какъ мнѣ сказали, что какой-то баринъ меня спрашиваетъ; я пустился бѣжать, при-

бѣжалъ, взглянулъ и увидѣлъ заслуженнаго, почтеннаго друга нашего стараго графа: сердце мое забилось страхомъ и надеждою.

судьвинъ. Ежели ты мнѣ поможешь завербовать въ порядочные люди твоего графа, то тебѣ нечего бояться.

ипать. Вы можете на меня надѣяться, какъ на каменную стѣну, тѣмъ больше, что мнѣ хочется выйти въ отставку изъ сантиментальныхъ вояжеровъ.

судьвинъ. Мнѣ пришла странная мысль, — я хочу сдѣлать фальшивую атаку: въ войнѣ, въ любви и въ добромъ дѣлѣ всѣ хитрости годятся. — Ну, ежели я назовусь отцомъ этой побѣдительницы! ха, ха, ха, авось либо этой проказой удастся мнѣ проучить твоего проказника. А! да вотъ мой хозяева. Кузьминишна!.. Фока!..

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же, Кузьминишна и Фока.

кузьминишна. Что, добрый господинъ, приказать изволишь? Что тебѣ, моему кормильцу, угодно?

судьвинъ. Мнѣ надобно, другъ мой, съ тобою поговорить. Досугъ ли тебѣ?

кузьминишна. Я было хотѣла зайти къ прикащику покалякать о свадьбѣ Фокушкиной съ моей Малашкой, да это еще не уйдетъ.

фока. Какъ не уйдетъ! я те говорю, что не надо терять время, пора жениться.

КУЗЬМИНИШНА. Что ты, Фока, вѣдь его милость не нашъ братъ! надо слушать добрыхъ господъ.

ФОКА. Слушай ее, а я пойду.

СУДЬВИНЪ. Нѣтъ, и ты мнѣ нуженъ. — Послушайте: видѣли ли вы этого барина, что здѣсь на селѣ остановился?

КУЗЬМИНИШНА. Какъ не видать! такой пригожій, красное солнышко.

ФОКА. Да, пригожій, хвали небось, онъ... [увидя Ипата]. А да ты здѣсь, подлипало; скоро ли вы отвоините вашу собаченку?

КУЗЬМИНИШНА. Что ты, Фока, не годится буйнить при господахъ.

ФОКА. А господамъ-то не годится бѣгать за нашими дѣвками.

ИПАТЪ. Эка невидаль! ужъ съ вашими дѣвками и говорить нельзя.

СУДЬВИНЪ. Такъ, Фока, ты правъ, и я хочу помочь вамъ отучить этого господина; онъ сынъ друга моего, и противъ отцовской воли ѣздитъ, куда глаза глядятъ.

КУЗЬМИНИШНА. Какъ! противъ родительскаго благословенія? да ему несдобровать... несдобровать!

ФОКА. Видно, у него умъ за разумъ зашелъ.

СУДЬВИНЪ. Ты почти отгадалъ: онъ немного сбился съ прямой дороги, мнѣ хочется привести его къ отцу, и для того я прошу тебя, Кузьминишна, назвать меня твоимъ мужемъ.

КУЗЬМИНИШНА. Что ты, мой кормилецъ, мнѣ, старой бабѣ, это нейдетъ; да похожъ ли ты на покойника? тебя никто не признаетъ.

ИПАТЬ. Да какъ, сударь, вѣдь мельникъ съ бородой, а вы?..

СУДЬБИНЪ. Это правда.

ФОКА. Вѣдь объ чемъ закручинились! За бородой дѣло не станеть; у нашего барина на селѣ свои холопья ломають комедь: то мельника, то Еремевну; животики надорвешь, такъ проклятые кобянятся, а пуще кумъ Андрюшка, такъ павлинится бариномъ, ха, ха, ха! Я-ка его впервой совсѣмъ не узналъ, слышь ты.

ИПАТЬ. Не въ Андрюшкѣ дѣло; скажи скорѣй, есть ли у нихъ бороды?

ФОКА. Вотъ подѣхалъ съ чѣмъ, есть ли?—вѣстимо есть, и бородъ, и париковъ, и всякой дряни, слышь ты, чортова пропасть.

ИПАТЬ. Да вотъ съ горы мой баринъ идетъ, остановился, вздыхаетъ, восхищается.—Ахъ!.. увы!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Графъ.

ГРАФЪ [на горѣ]. О натура! о Стернь!.. я молчу и молчаніе мое одно достойно тебя...

ИПАТЬ. Слышите ли вы, какъ его сіятельство изволитъ молчать?

ГРАФЪ [бросаясь на колѣни]. Созданіе міровъ, жертва тебѣ! пресущественность!!!

КУЗЬМИНИШНА. Кому это, мой батюшка, онъ покланяется? или онъ вѣруеть въ сосны?

фока. То ли ты еще увидишь! да вот онъ подходитъ.

судьбинъ. Отретируемся, чтобъ онъ насъ не видалъ; всѣ за мною!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГРАФЪ [одинъ]. Утро ясно, ясна душа моя! А тамъ,—тамъ, за дымчатыми горами, за грустнымъ лѣсомъ,—милліоны людей!.. Чудна, пестра природа!.. Здѣсь потерялъ я друга, истиннаго, тонкаго, бережливаго! О Лэди! Лэди! тебя ужъ нѣтъ!.. слеза дружбѣ!.. Здѣсь встрѣтилъ я невинное существо, ангела въ образѣ интересной пастушки; ахъ!.. вздохъ любви... Ея взглядъ, здѣсь!.. пламенная стрѣла Амура эскизировала ея силуэтъ въ сердцѣ моемъ... всю ночь мрачный Морфей не очернилъ зрѣнія моего, она была въ мысленныхъ очахъ моихъ!.. Напрасно я перелистывалъ Новую Элоизу: я вездѣ читалъ имя незнакомой дѣвушки... наконецъ скромный геній мой инспирировалъ томной музѣ моей сладостный романсъ. Заставимъ любовницу Нарцисову повторить его! Гитара, другъ моей чувствительности, устрой томный голосъ мой!..

РОМАНСЪ.

Вѣнцы, мечи, щиты, порфиры!

Не васъ я, бѣдные, ищу;

Герои, побѣждайте міры!

Предъ вами я не трепещу.

Натура мнѣ сама сказала,

Что долженъ жить я межъ цвѣтовъ,

Она любить мнѣ приказала,
Она — малиновка — любовь!

Змѣйтесь, рѣчки, вѣтры, — дуйте;
Шепчи любовь, молодой Зефиръ;
Вы, нѣжны голубки, воркуйте;
Ты, соловей, плѣняй весь міръ.

Натура, я тебѣ подобенъ,
Я вольно чувствовать хочу;
Какъ скромный кроликъ, я незлобенъ
И вслѣдъ любви вездѣ лечу.

ЯВЛЕНИЕ V.

Графъ и Ипатъ.

ГРАФЪ. Какая гармонія въ этомъ пейзажѣ, какіе оттѣнки въ натурѣ! — [увидя Ипата]. Восхищайся, простой сынъ природы, твоею матерью [хочетъ обнять его]. — Фуй! какъ отъ него пахнетъ виномъ! долго ли ты будешь обезображивать чело-вѣчество напиткомъ безразсудности?... Ты пилъ вино?

ИПАТЪ. Виновать, въ ближней корчмѣ выпилъ крючокъ... за здоровье матери природы и вашего сятельства.

ГРАФЪ. Ты всякій день профанируешь себя этимъ презрѣннымъ виномъ... а для чего?

ИПАТЪ. О сударь! я божусь, что никогда не пью безъ причины. Четвертаго дня я выпилъ для того, что нечего было дѣлать, третьяго дня для попра-вленія желудка, вчера съ горя, а сегодня на радости.

ГРАФЪ. На радости! на какой?

ИПАТЬ. Ахъ, сударь, на какой? на радости душевной, сердечной, мысленной. По приказанію вашего сиятельства я сегодня прежде солнца проснулся, побѣжалъ на мельницу и чуть-чуть спустился съ этого пригорка, какъ встрѣтилъ... кого вы думаете?

ГРАФЪ. Сердце мое отгадываетъ! Ты встрѣтилъ...

ИПАТЬ. Я встрѣтилъ... добрую рыженькую корову, которую за крутые рога вела...

ГРАФЪ. Она?..

ИПАТЬ. Нѣтъ, не совсѣмъ она, а подобіе ея, словомъ, сестра ея Домна. Милая, рѣзвая, быстрая Домна! обворожительница, плѣнительница, побѣдительница вѣрнаго, усерднаго и проворнаго Ипата!

ГРАФЪ. Какъ! и ты трогаяешься, влюбляешься...

ИПАТЬ. А натура!.. Только что глаза мои взвидѣли корову и Домну, сердце мое забилося и ноги мои понесли меня къ ней. Здравствуй, красная дѣвица!—Здорово, добрый молодецъ!—Не знаешь-ли, моя кралечка, чья это мельница?—Какъ не знать, это моего батюшки Сидора Архипыча.—Какъ! она Архипыча? Поцѣлуй меня за добрую вѣсть. — Да развѣ ты его знаешь?—Нѣтъ; но я сердечно привязанъ ко всѣмъ Сидорамъ и безъ памяти люблю всѣхъ Архипычей; скажи мнѣ, не сестрица-ли твоя вчера гнала милую скотинку?—Какой отгадчикъ! вѣстимо, сестра моя Маланья...

ГРАФЪ. Что я слышу! ее зовутъ Мелани?

ИПАТЬ. Маланья, сударь.

ГРАФЪ. Какая грубость! Какое невѣжество!

Можно-ль такъ портить самыя интересныя имена? Это только терпимо у насъ!.. Мармонтель, Лагарпъ, Дегушъ, — вашъ прахъ долженъ потрястись, услышавъ это варварское названіе, которое здѣсь даютъ вашимъ Мелани!.. Послушай, ежели ты еще осмѣлишься огрубить слухъ мой, то я для чести литературы и сантиментальности дамъ тебѣ почувствовать силу руки моей.

ИПАТЬ. Я готовъ ее перекрестить, какъ вамъ угодно, только...

ГРАФЪ. Продолжай!

ИПАТЬ. Сестра ея сказала, что интересная... имрекъ, выходитъ замужъ.

ГРАФЪ. Какъ! кто этотъ счастливый смертный?

ИПАТЬ. Сынъ кузнеца Антипа Фока, блаженнѣйшій изъ Фокъ?

ГРАФЪ. Сынъ кузнеца! Фока!.. Но милая Мелани должна все илѣнить, что только имѣетъ сердце.

ИПАТЬ. О! у Фоки самое пылкое сердце; онъ чуть-чуть не доказалъ мнѣ его горячность.

ГРАФЪ. Говорилъ-ли ты ей?.. сказалъ-ли ты ея сестрѣ, что я...

ИПАТЬ. Какъ вы прикажете, чтобъ я говорилъ объ васъ? вы мнѣ запретили называть васъ графомъ Пронскимъ, и вотъ ужъ четыре мѣсяца, какъ выбираете другое имя.

ГРАФЪ. Это правда, что я до сей поры не могу выбрать имени, приличнаго для сантиментальнаго вояжера.

ИПАТЬ. Да что васъ заставляетъ перекрещиваться?

ГРАФЪ. Все, — желаніе укрыться отъ гонящихся, можетъ быть, за мною, и обычай, консакрированный Стерномъ, который путешествовалъ подъ именемъ Іорика.

ИПАТЬ. Іорика? прекрасное имя! да что оно значить на ихъ языкѣ?

ГРАФЪ. Ничего. Это имя шута англійскаго короля.

ИПАТЬ. Шута царскаго? славно!.. благодарите мой умъ, онъ нашелъ вамъ названіе.

ГРАФЪ. Какое?

ИПАТЬ. Ежели этотъ Іорикъ былъ шутъ англійскаго короля, такъ Балакиревъ былъ шутъ русскаго царя; и такъ, что вамъ мѣшаетъ назваться Балакиревымъ?

ГРАФЪ. Балакеръ?—нѣтъ, это дурно въ ухо звенить — Балакеръ... Что я слышу? голосъ интересной Мелани.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ же и Маланья, идя съ горы съ ведрами, поеть.

ГРАФЪ. Какая восхитительная невинность! ноги мои мнѣ себя отказываютъ, я не смѣю подойти къ этому ангелу, сошедшему на нашъ мръ съ эфирной высоты.

ИПАТЬ. Я за васъ подойду.—Добрый путь, красавица! — Красавица! постой, я тебѣ говорю.

МАЛАНЬЯ. Мнѣ? а я думала нивѣсть кому.

ГРАФЪ. Онъ назвалъ тебя красавицей, — это твое имя.

МАЛАНЬЯ. И! баринъ, балагуришь: меня зовуть Маланьей.

ГРАФЪ. Скромная фіалка! интересная Меланія! сантиментальный ангель мой!

МАЛАНЬЯ. Баринъ, я не умѣю по-нѣмецкому. [Ипату]. Развѣ онъ не русскій?

ИПАТЬ. И такъ, и сякъ, по среднему.

ГРАФЪ. Выслушай меня, трогательная пастушка!

МАЛАНЬЯ. Что ты, баринъ, я не сиротинка, чтобъ мнѣ быть пастушкою, — у меня есть мать.

ИПАТЬ. И отецъ.

МАЛАНЬЯ. Какъ?... да бишь... у меня есть и отецъ.

ГРАФЪ. Долженъ-ли я вѣрить молвѣ, раздирающей мое сердце? Слышалъ я, что ты выходишь замужъ?

МАЛАНЬЯ. Вѣстимо, за Фоку кузнеченка.

ГРАФЪ. И твое сердце ему отдано?

МАЛАНЬЯ. Ты шутишь, баринъ.

ГРАФЪ. Какъ, узель симпатіи не связуетъ васъ? ты свободна? — неужели и здѣсь тиранство корыстолюбивыхъ родителей жжетъ блѣдныя щеки дѣтей ихъ пламенными слезами? какъ, ты только повинуюешься волѣ родительской?

МАЛАНЬЯ. Кого-жъ намъ и слушаться, коль не матушки?

ГРАФЪ [Ипату]. Какіе патріаршіе нравы!

ИПАТЬ. Нравы патріаршіе!

ГРАФЪ. И такъ, ежели одно дѣтское подобострастіе дѣлаетъ тебя женою, я берусь освободить тебя.

МАЛАНЬЯ. Я и такъ свободна!

ГРАФЪ. Ангелъ! ты свободна!.. Ипать! восхищаешься-ли ты этою непринужденною дочерью природы?

ИПАТЬ. Я плачу!

ГРАФЪ. Скромная невинность!

ИПАТЬ. Невинная скромность!

ГРАФЪ [Маланья]. Куда-жъ ты идешь?

МАЛАНЬЯ. Мнѣ не годится подслушивать, что другіе говорятъ.

ГРАФЪ. Какіе принципы! Краснѣйте, всѣ модныя красавицы, предъ этой крестьянкой!

ИПАТЬ. Краснѣйте, всѣ горничныя дѣвушки, всѣ барскія барыни, ежели вы можете краснѣть!

МАЛАНЬЯ. И впрямь никакъ, что мнѣ сказывалъ Фока, онъ какъ будто не въ себѣ... Какъ онъ коверкается, какъ глядитъ на меня! Ахти! я начинаю побаиваться! Что это наши нейдутъ?

ГРАФЪ. Еще разъ прошу тебя, открой мнѣ всѣ изгибы твоего сердца; скажи мнѣ одно слово; взгляни на меня, красавица! Агнесса! фіалка!

МАЛАНЬЯ. Знать, на него нашло.

ГРАФЪ. Какая интересная застѣнчивость! Она, какъ желтобокій чижикъ, порхаетъ отъ сѣти птицелова! [Онъ подходитъ къ Маланьѣ, она отъ него пачитя и они дѣлаютъ кругъ театра]. Невинность, не страшишь меня, я не извергъ.

ИПАТЬ. Право, Маланьюшка, мы не опасны; любовь сантиментальная чиста, какъ голубь.

ГРАФЪ [хватая ее за руку]. Выслушай, выслушай меня, я умѣю почитать стыдливость.

МАЛАНЬЯ. Ай! ай! ай! что ты, баринь! ай! ай!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ же и Фока.

ФОКА. Что? — Кто нашихъ? — Малаша, кто тебя?

МАЛАНЬЯ. Этотъ баринь... что, ты вѣдаешь...

ФОКА. Баринь, не озорничай съ нашими.

ГРАФЪ. Я эгида невинности и другъ натуры.

ФОКА. Да будь ты другъ хоть капитанъ-исправника, а нашихъ не замай!

ИПАТЬ [тихо Фокѣ]. Славно, Фока!

ФОКА. Небось, Фока себя не ударить лицомъ въ грязь [Графу]. Знаешь-ли ты, что это моя суженая?

ГРАФЪ. Такъ вотъ тотъ счастливый смертный, который долженъ культивировать эту фіалку! Такъ ли ты сдѣланъ?

ФОКА. Такъ ли и не такъ ли я сдѣланъ, а она будетъ моя жена.

ГРАФЪ. Нѣтъ! я ее вырву изъ твоихъ хищныхъ рукъ.

ФОКА. Ты? — Малаша, сюда! — Ну-ка, попробуй.

ГРАФЪ. Для чего онъ не родился въ кругу предразсудковъ? я бы, можетъ быть, имѣлъ честь умереть за мою Меланію.

ФОКА. Эй, баринъ, не подходи.

ГРАФЪ [Ипату]. Онъ грубянъ, мнѣ кажется.

ИПАТЪ. У него какія-то непріятныя ухватки.

ГРАФЪ. Какъ жалка участь красавицы... таковъ же былъ мужъ Венеры. Одно слово — дочь природы!..

ФОКА. Ни слова, ни полслова, ни четверть слова!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Кузьминишна.

КУЗЬМИНИШНА. Всѣ дѣвки разбрелись; Малашка! Малашка!

ФОКА. Кричи, кричи, а Малашка-то поналась было въ добрыя руки.

КУЗЬМИНИШНА. Что, что, Фокушка, сдѣлалось?

ГРАФЪ. Выслушай меня, добрая женщина! эта невинность дочь твоя?

КУЗЬМИНИШНА. Родная, кормилецъ!

ГРАФЪ. И ты выдаешь ее за него?

КУЗЬМИНИШНА. Такъ, мой батюшка.

ГРАФЪ. Ты губишь ее!..

КУЗЬМИНИШНА. Что ты говоришь, мой отецъ, я гублю мое рожденіе?.. я гублю дитя мое?.. что ты, развѣ у васъ не берегутъ свое дѣтище? У насъ этого и не видано! Поди ко мнѣ, Малаша! Что это баринъ-то говоритъ?

МАЛАНЬЯ. Тѣ ужъ Богъ знаетъ, что онъ поетъ.

ФОКА. И!.. всего не переслушаешь.

КУЗЬМИНИШНА. Нѣтъ, господинъ добрый, ты

этого и не затѣвай, чтобъ я хотѣла сгубить ее; я ужь стою на гробовой доскѣ, такъ мнѣ не захочется за нихъ тамъ отвѣчать! Люблю дѣточекъ, они у меня одно мое богатство, одно сокровище.

ГРАФЪ. Хорошая женщина, ты меня трогаешь! Кузьминишна. Что ты, баринъ, перекрестись! Я до тебя и не дотронулась.

ФОКА. Не грѣхъ-ли тебѣ кленать на старуху? Ипать. Невѣжи все берутъ спроста; трогать не то, что трогать... а что бишь?..

ГРАФЪ. Какъ горестно, что ихъ чувства не утончены!—Вы живете въ кругу непросвѣщенія.

ФОКА. Ничуть не въ кругу, а на мельницѣ. Ипать. О невѣжа!

ГРАФЪ. Хорошая мать! ты воспитала скромную, интересную Меланію въ нѣдрѣ природы; она цвѣтокъ, еще не обработанный рукою искуснаго садовника.

ФОКА. Какъ бы не такъ, я ее никакому садовнику не дамъ обрабатывать; послушь-ка, баринъ, не лучше-ль тебѣ оставить насъ въ покоѣ? Пойдемъ, матушка, пора дѣвишникъ затѣвать.

КУЗЬМИНИШНА. И вѣрять пора. Прощай, господинъ бояринъ.

МАЛАНЬЯ. Добрый путь! [Уходитъ].

ГРАФЪ. Ангелъ! стой, выслушай меня... Ее уведутъ! Ипать, останови ихъ.

ИПАТЬ [хочетъ ее остановить, но Фока его отталкиваетъ]. Вы сами видите, какъ этотъ грубіанъ обходится.

ГРАФЪ. Нѣтъ, я ее не оставлю. [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Ипать, потомъ Судьбинъ.

ИПАТЬ. Рѣшено, что баринъ мой свихнулъ съ ума; жаль, а у него сердце ангельское. Слезливые писатели, плаксивые сочинители! вы, вы, загубили моего добраго господина, вамъ будетъ отвѣчать за него: эти маленькія книжонки, что я носилъ ему изъ университетской лавки, поддѣли бѣднаго графа.

СУДЬВИНЪ. Онъ ушелъ?

ИПАТЬ. Онъ поѣхалъ за интересною Меланіею въ село... ха, ха, ха, ха, какъ вы вырядились!

СУДЬВИНЪ. Ну, похожъ-ли я на Архишчыча?

ИПАТЬ. О! вы сударь, Архишчычъ изъ всѣхъ Архишчычей!

СУДЬВИНЪ. Ты увѣренъ, что твой баринъ меня не узнаетъ?

ИПАТЬ. Не только васъ, да и батюшку своего не узнаетъ. Его мысли, глаза, чувства, всегда за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ. Я сейчасъ говорилъ: какъ жаль, что такого добраго господина друзья-писатели свели съ ума. Растолкуйте мнѣ, сударь, откуда выѣхала къ намъ эта сентиментальная чертовщина?

СУДЬВИНЪ. Она сформировалась въ Англіи, попортилась во Франціи, раздулась въ Германіи, а къ намъ ее вывезли въ такомъ жалкомъ состояніи, что...

ИПАТЬ. Что и курамъ на смѣхъ! Бѣда тѣмъ, къ кому она отъ насъ попадетъ.

судьбинъ. Таковъ свѣтъ, что въ немъ все временемъ и людьми портится. Самые сумасбродные обычаи часто имѣли корнемъ полезныя учрежденія. Что затѣютъ, бывало, славно въ одномъ полку, а какъ всю дивизію обойдетъ, то хоть брось сдѣлается; ха, ха, ха! Да мнѣ кажется, что я немножко со своими дивизіями свихнулъ на твоего графа; у всякаго свой пунктъ сумасшествія.

ИПАТЬ [въ сторону]. Онъ правъ! у всякаго своя дурь въ головѣ. Я, напримѣръ, какъ заговорю про цыганскую пляску, такъ хоть святыхъ вонъ понеси.

СУДЬБИНЪ. Я не хочу, чтобъ баринъ твой засталъ насъ вмѣстѣ; дѣлай все, что я тебѣ приказывалъ... онъ идетъ! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ X.

Ипать и Графъ.

ГРАФЪ. Невѣжество! невѣжество! ты корень всего зла, ты ядъ человѣчества. О просвѣщеніе! когда черта твоя обрисуетъ мое отечество? Наши Стерны, наши Юнги, наши Дораты, когда вы дадите плодъ отъ вашего сѣянія? Жестокосердый, грубый иньорансъ! Ахъ, Ипать! Ипать! ужасно!

ИПАТЬ. Что, сударь, съ вами сдѣлалось?

ГРАФЪ. Вся натура перемѣнилась для меня; невинность сдѣлалась коварностью, простота ядовитворностью; ты видишь эти перловыя слезы, катящіяся по щекамъ моимъ, ты ихъ видишь?..

и патъ. Кажется, вижу, сударь.

графъ. Знай, что эта слеза течеть въ жертву челоуѣчества! Люди, которыхъ просвѣщеніе дѣлаеть эгоистами, изгнали меня изъ столицы, чтобы искать дѣтей природы. Я ихъ нашель, но невѣжество дѣлаеть ихъ грубыми, чувственными, наконецъ, такъ сказать, извергами.

и патъ. Какъ, сударь, добрыя дѣти природы, чувствительныя пастушки, скромныя поселяне...

графъ. Увы! мой другъ, они не таковы въ свѣтѣ, какъ въ эклогѣ; ты видѣль, какъ я устремился вслѣдъ за скромною Меланією, я почти догналь ее у самага села, кричалъ ей: остановись, ангель! я хочу быть твой геній спаситель! Стыдливость ея препятствуетъ ей мнѣ отвѣчать, новый Вулканъ вводитъ ее въ мрачную избу — и затворяеть мнѣ роковую дверь въ самый носъ... Я кричу, требую гостепріимства... Но, увы! О коварство! Совмѣстникъ мой отворяеть адское окошко и ѣдкимъ голосомъ называетъ меня... какъ ты думаешь?.. сумасшедшимъ... Народъ, поселяне, маленькіе ребяташки окружають меня, смотрять на меня, какъ на чудо. Я хочу имъ говорить, приближаюсь... О невѣжество! о предразсудки! Они, убѣгая отъ меня, какъ отъ язвы, кричатъ, ухають и указывають на меня пальцами, измученный, огорченный, оглушенный криками, я удалился отъ мрачнаго храма невѣжества, гдѣ думаль найти святилище кротости и чистосердечія. — Ахъ, Ипатъ! что я начну дѣлать?..

и патъ. Корабельщикъ послѣ бури пристаеть къ

берегу; жаворонокъ, улетая на зиму, послѣ холода прилетаетъ въ свое гнѣздо; солдатъ, отслуживъ царю-государю, ворочается въ отцовскій домъ... [Въ сторону]. Примѣры не дѣйствуютъ!.. [Графу]. Поѣздя по бѣлу свѣту, не пора-ли домой?

ГРАФЪ. Нѣтъ... предрассудки отца моего не простятъ мнѣ мою отставку, мой вояжъ, мое одиночество; — ты знаешь, что онъ называлъ намѣреніе мое сумасбродствомъ.

ИПАТЬ. Эти старики воспитаны въ грубомъ вѣкѣ, все сироста берутъ... Наконецъ, Ипать, сотрудникъ, сопутешественникъ, камердинеръ, поваръ, дворецкій, секретарь и казначей вашего сіятельства имѣетъ честь вамъ донести, что казна наша въ пребольшомъ ущербѣ, и что ежели мы еще мѣсяць попутешествуемъ, то придется окончить намъ нашъ вояжъ по-богомольски.

ГРАФЪ. Какое же средство?

ИПАТЬ. Самое простое. Писать батюшкѣ... Нѣтъ... ну, такъ писать къ другу батюшкиному, господину Судьбину.

ГРАФЪ. Фуй! къ этому полумедвѣдю, который былъ капраломъ въ послѣднюю семилѣтнюю войну. — Нѣтъ! грубость ушей его не тронется моимъ краснорѣчіемъ.

ИПАТЬ. Ъхать самимъ...

ГРАФЪ. Нѣтъ!.. но... хорошо...

ИПАТЬ. Онъ выдумываетъ; что-то будетъ?

ГРАФЪ [снимая гитару]. Другъ чувствъ моихъ, разсѣй мою горечь.

ипать. Такъ это-то средство?.. Ась! чего изво-
лите?.. Хоть бы онъ заигралъ плясовую, все бы
лучше.

ЯВЛЕНИЕ XI.

ТѢ же и Судьбинъ.

ГРАФЪ [увидя Судьбина]. Что это за старикъ?
ипать. Это полумедвѣдь, отецъ интересной Ме-
лани.

ГРАФЪ. Какой почтенный видъ!

судьвинъ. Не ты ли, баринъ, господинъ графъ?
Имени и отчества не знаю.

ипать. Это его сіятельство!

ГРАФЪ. Такъ, почтенный старецъ, ты видишь
предъ собою юнаго пилигрима, благословляющаго
твои сѣдины;—что я могу сдѣлать, чтобъ тебѣ слу-
жить?

судьвинъ. Вхать твоею дорогою къ батюшкѣ,
или къ матушкѣ, кто у тебя есть.

ипать. Какъ не къ батюшкѣ!.. Мы пилигрим-
ствуемъ.

ГРАФЪ. Такъ, старецъ, украшенный сѣдинами!
Я предиріялъ, по примѣру многихъ чувствитель-
ныхъ людей, объѣхать всю Россію, а потомъ и
далѣе.

судьвинъ. Славно, баринъ, спасибо тебѣ... ты
хочешь узнать всю святую Русь; ты, чай, сынокъ
знатнаго барина, служишь царю-государю; такъ
почему же тебѣ не быть въ чинахъ: губернаторомъ,
намѣстникомъ, или еще болѣе. И потому-то, знать,

ты и объѣзжаешь всѣ земли, чтобъ узнать, чѣмъ гдѣ промышляютъ; гдѣ что родится, гдѣ много земли, да мало рукъ; гдѣ мужички зажиточны, гдѣ они нищіе; чѣмъ можно поправить ихъ обиходъ, чѣмъ пособить злу, какъ сдѣлать добро...

ипать. Ха, ха, ха! обиходъ, руки, земля, ха, ха, ха!

судьбинъ. Да чему же ты смѣешься?

ипать. Ха, ха, ха! какую дичь занесъ; видишь, съ чѣмъ подѣхалъ! баринъ будетъ губернаторъ, намѣстникъ! — Знай, старикъ, что мы презираемъ чины.

судьбинъ. Ой-ли? а для чего? вѣдь кто въ чинахъ, тому и чести болѣ.

ипать. Мы смѣемся надъ этой честью.

судьбинъ. Смотри, пожалуй; да кто въ чинахъ, да въ славѣ, тому и добро дѣлать легче... Да за чѣмъ же онъ и дворянинъ, какъ не для того, чтобъ служить государю да государству? — Богъ всякаго человека создалъ для чего-нибудь: нашего брата, чтобъ работалъ землю, а ихъ милость, чтобъ быть заступникомъ нашимъ предъ царемъ и законами.

ипать. Вотъ-те на! будь заступникъ вашъ кто хочетъ, а мы съ бариномъ ѣздимъ по бѣлу свѣту, да восхищаемся...

судьбинъ. Неужели ты и впрямь эдакъ думать изволишь?

графъ. Почтенный старецъ, я... [въ сторону]. Что я ему буду отвѣчать? Странно, что этотъ непросвѣщенный поселянинъ такъ умѣлъ смутить меня.

судьбинъ [въ сторону]. Мои слова дѣйствуютъ! — Ась! баринъ?

графъ. Я дивлюсь, что, рожденный въ кругу бренности, ты говоришь съ такою твердостью, съ какою еще ни одинъ поселянинъ не говорилъ ни одному вояжеру, — ты мудрствуешь съ изящностью.

судьбинъ. Я не дослышалъ, баринъ.

графъ. Какъ жаль, что онъ не читалъ сантиментальныхъ вояжеровъ и не можетъ понимать меня. — Другъ мой! я презираю пышные титулы и ушityваю душу...

судьбинъ. А чѣмъ ты ушityвать ее изволишь?

графъ. Простою, ясною, чистою природою. Ахъ! ежели бы ты могъ прочесть все то, что я читалъ, такъ бы ты понялъ меня.

судьбинъ. Врядъ-ли бы!

ипать. Ученье свѣтъ, а неученье тьма, старикъ.

судьбинъ. Неужели также въ его книгѣ написано, чтобы отнимать у жениха невѣсту?

ипать. У какого жениха? у кузнеца?

судьбинъ. Да какого-жъ жениха ей надо? вѣдь баринъ не возьметъ крестьянской дѣвки.

графъ. А почему?

судьбинъ. Гдѣ дочерямъ нашимъ быть барынями! Надъ ними всѣ господа будутъ смѣяться, да и родные-то мужнины ихъ со свѣта сгонять; мужъ, видя, что отецъ и мать отъ него отступились, не влюбить жену, которая разогнала всю его семью. Я по себѣ знаю, каково отцовскому сердцу, когда дѣти неладно поступаютъ... Да и каково дѣтямъ,

которыя не имѣютъ родительскаго благословенія. Ты вздыхаешь, баринъ! видно, что у тебя сыновнее сердце.

ГРАФЪ. Почтенный старикъ, ты раздираешь мою душу...

СУДЬБИНЪ. И, баринъ! ты балагуришь. Чѣмъ мнѣ раздирать твою душу... Ахти! да, я слышу, наши дѣвки пѣсни поютъ; у насъ въ селѣ обычай: гулять съ помолвленной невѣстой всѣмъ ея подругамъ. Это, вѣрно, Маланью мою ведутъ къ прикащику: онъ ея отецъ посаженный... пойти же къ ней... Прощай, баринъ!.. [Въ сторону]. Слова мои дѣйствуютъ; онъ задумался, еще атака—и городъ нашъ. [Уходитъ].

ИПАТЬ. Экъ онъ осадилъ его!.. Ни слова...

ЯВЛЕНИЕ XII.

Графъ и Ипатъ.

ГРАФЪ. Интересная Меланія! трогательный мельникъ!—О талисманъ! о женщины!

ИПАТЬ. Какой говорунъ этотъ старикъ!

ГРАФЪ. Такъ, такъ, жребій мой брошенъ: сдѣлаюсь земледѣльцемъ, возьму себѣ въ подруги дочь этого почтеннаго старца, и вмѣстѣ съ нею поселюсь въ низкой хижинѣ. Тамъ въ часъ солнечнаго восхода буду пробуждать любезную, на рукѣ друга покоящуюся; тамъ буду съ нею обрабатывать уголокъ земли, или стеречь барашковъ и овечекъ.

ИПАТЬ [въ сторону]. Неголоволomная работа.

ГРАФЪ. Тамъ плоды земные и молоко будутъ моею пищею.

ИПАТЬ [въ сторону]. Незавидный столъ.

ГРАФЪ. Мягкая солома постелью.

ИПАТЬ [въ сторону]. Не слишкомъ великолѣбная кровать.

ГРАФЪ. Цицеронъ, Стернь и Юнгъ будутъ занимать меня; я буду читать Новую Элоизу.

ИПАТЬ [въ сторону]. А нѣжная сожительница будетъ зѣвать, или отъ скуки свинокъ кормить.

ГРАФЪ. Ипать, я буду счастливъ!

ИПАТЬ. Мы будемъ счастливы, скажите лучше.

ГРАФЪ. Какъ это?

ИПАТЬ. Ваше сіятельство женитесь на Меланин, а я на Домнѣ, сестрѣ ея.

ГРАФЪ. И такъ ты будешь...

ИПАТЬ. Своякъ моего любезнаго господина.

ГРАФЪ. Какъ ты смѣешь?..

ИПАТЬ. За что вы гнѣваетесь? Я, сударь, имѣю сердце. Домна мнѣ нравится, я на ней женюсь, построю хижинку еще ниже вашей, буду гонять овецъ и барашковъ, кушать молоко и хлѣбъ, спать на соломѣ, а по воскресеньямъ читать Бову Королевича и Ваньку Каина; наживу вамъ племянничковъ, а себѣ дѣтей, вы будете ихъ крестный отецъ.

ГРАФЪ. Это ужъ очень... какъ... ты... ты... нариродируешь меня, мнѣ кажется... Дерзкій!

ИПАТЬ. За что гнѣваться, мой будущій своякъ?

ГРАФЪ. Я проучу тебя!.. Но это правда! Ипать можетъ быть, хотя и пьяница, мужемъ Домны, а я... какое родство! Но презримъ предразсудки...

Однако-жъ отецъ мой... я трону его моими слезами, онъ увидитъ Меланію, и — проститъ плѣннаго ангеломъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Всѣ.

Дѣвицы окружаютъ Маланью и поютъ пѣсни. Фока ведетъ ее за одну руку, Кузьминишна за другую. Судьбинъ идетъ сзади и ведетъ за руку другую дочь.

ГРАФЪ. Ее ведутъ. Ипать, другъ мой! рѣшимся на все. Пойдите, пойдите, безчеловѣчные, остановитесь!

ФОКА. Не слушайте его, онъ сумасшедшій.

ВСѢ. Сумасшедшій! Ахти, чтобъ онъ не укусилъ!..

ГРАФЪ. Почтвенный старецъ, выслушай несчастнаго. Кузьминишна, остановись, Меланія взгляни на меня!

СУДЬБИНЪ. Пойдите, надобно его выслушать.

МАЛАНЬЯ. Не очень близко подходи къ нему, матушка!

КУЗЬМИНИШНА. Наше мѣсто свято, чего бояться.

ГРАФЪ. Вы должны узнать, кто я. — Я графъ Пронскій, сынъ заслуженнаго господина.

ИПАТЬ [Фокѣ]. Знай нашихъ!

ГРАФЪ. Сердце мое хочетъ быть счастливо не знатностью моею, но истинною любовью, сантиментальнымъ дружествомъ, эфирнымъ блаженствомъ. Интересная Меланія тронула мое сердце,

отецъ ея удивилъ мой умъ, и я хочу имъ вѣчно принадлежать.

ИПАТЬ. И я также! Мнѣ Домна пришла по сердцу.

КУЗЬМИНИШНА. И впрямь они хотятъ жениться на моихъ дочеряхъ.

ФОКА. А я чѣмъ не женихъ?

СУДЬВИНЪ. Баринъ и слуга, вы мнѣ оба не годитесь; вы не можете сдѣлать счастье моихъ дочерей. Баринъ, ты имѣешь отца; что онъ скажетъ, когда узнаеть, что ты женатъ на крестьянкѣ?

ГРАФЪ [бросаясь на колѣни]. Отецъ мой одобритъ мой выборъ.

ИПАТЬ [также]. Моя матушка благословитъ меня.

ГРАФЪ. Хотя онъ и знатный человекъ, но онъ отецъ.

ИПАТЬ. Хотя она и первая прачка, но она мать.

ГРАФЪ [Ипату]. Да замолчишь-ли ты?

ИПАТЬ. Сердце говоритъ.

ГРАФЪ [Судьбину]. Почтенный старецъ! Я сдѣлаю счастье твоей дочери, всего твоего семейства; я буду послушный сынъ, всѣ минуты жизни своей я посвящу на то, чтобъ угождать тебѣ, чтобъ быть съ тобою.

СУДЬВИНЪ [снявъ кафтанъ, бороду и парикъ]. Тотъ можетъ-ли быть привязанъ къ отцу жены своей, кто оставляетъ своего отца! Встаньте, графъ, мнѣ стыдно за васъ.

ГРАФЪ [вскликая]. Это онъ!..

ИПАТЬ. Кажется.

ГРАФЪ. Боже!

судьвинъ. Обнимите друга, который привыкъ васъ любить, какъ сына.

фока. Экая задача!

кузьминишна. Смотри пожалуй, эка притча!

судьвинъ. Сегодняшній день долженъ вамъ открыть глаза; вы презрѣны крестьянской дѣвушкой, осмѣяны ребятами, чуть-чуть не родня Ипату. Вы должны почувствовать, сколь воображеніе молодого чувствительнаго человѣка, воспламененное взбалмошными писателями, можетъ быть для него пагубно; рожденный съ чувствами пламенными, сердцемъ нѣжнымъ, душою пылкою, молодой человѣкъ, начитавшійся писателей, которые, несмотря на ихъ ложныя мысли, одарены нѣкоторымъ краснорѣчіемъ, можетъ на минуту заблудиться, но при первомъ свѣтѣ разсудка онъ долженъ войти на истинный путь.

графъ. Я стыжусь на васъ глядѣть.

судьвинъ. Батюшка вашъ съ нетерпѣніемъ васъ ожидаетъ.

графъ. Мой поступокъ...

судьвинъ. Отецъ, при видѣ сына, забываетъ все, кромѣ удовольствія обнять его. Мы сейчасъ поѣдемъ.

фока. Такъ онъ ужъ больше не хочетъ жениться?

инатъ. Ты можешь жениться на обѣихъ сестрахъ, ежели тебѣ хочется.

кузьминишна. Ахъ, батя мой! что ты затѣваешь. Эка невдала!

судьвинъ. Прощайте, добрые люди! — Графъ,

будемъ вмѣстѣ смѣяться сегодняшнему приключенію.

КУЗЬМИНИШНА. Оставайтесь, батюшка, чтобъ видѣть нашъ праздникъ.

СУДЬВИНЪ. Останемся, графъ, чтобъ раздѣлить ихъ удовольствіе, они намъ сдѣлали сегодня великую услугу.

ГРАФЪ. Такъ, они открыли мнѣ глаза, ослѣпленные прельщеннымъ воображеніемъ. Я клянусь исправиться и убѣгать навсегда всѣхъ чувствительныхъ странностей, которыя дѣлаютъ насъ ни къ чему не полезными и смѣшными.

ИНАТЪ. И такъ, полно плакать. — Прощайте, рѣчки, горы, лѣса, вздохи и восхищенія; мы васъ, неблагодарные, навсегда оставляемъ.

К О Н Е Ц Ъ .